

Я не существую, когда нет тебя

Запись выступления Давиде Проспери и Хулиана Каррона
на Дне начала года для взрослых и студентов «Общения и освобождения».
«Медиоланум Форум», Ассаго (Милан)
27 сентября 2014 г.

L'illogica allegria
Amare ancora
La strada

ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ

Приветствуем всех собравшихся здесь, в Ассаго, а также в других городах Италии и за рубежом. В эти дни я вернулся к размышлениям о ценности подобного мероприятия, которое может показаться однообразным, ведь мы проводим его ежегодно! Но, как было сказано два года назад, для человека, совершающего путь, главная цель нового начинания – в том, чтобы не потерять вкус к пути, и именно по этой причине в начале всегда заключен универсальный критерий. Начало есть дар, выражение предпочтения, подобно тому, как начало жизни есть незаслуженный дар, самый великий знак отношения с тем, кто пожелал, чтобы мы существовали. Вот почему всякое начало дает особую возможность вспомнить, что мы для кого-то желанны, что мы появились в мире не случайно, что есть некто, Тот Единственный, Который хочет, чтобы мы были сейчас, хочет нашего существования прямо сейчас. И в этом состоит первый фактор жизненной уверенности.

Сегодня, как, возможно, никогда прежде в истории, уверенность, необходимая человеку, не ограничивается интеллектуальным, догматическим пониманием вещей и заключается, по выражению отца Джуссани, в познании реальности, которое опирается на привязанность, то есть целиком и полностью основано на живом отношении с Тем, Кем в конечном итоге реальность стоит.

Я лучше понял это благодаря, прежде всего, одному выступлению на Международной встрече ответственных Движения, прошедшей в первые дни сентября в Ла-Туиле. Наша подруга Роуз из Кампалы вспомнила о диалоге с отцом Джуссани, во время которого он сказал ей: «Даже если бы ты оказалась единственным существом во вселенной, Бог отправился бы искать тебя, чтобы не было потеряно даже твое ничтожество». И она пояснила: «Мое ничтожество, моя жизнь обрели в Красоте с большой буквы красоту, ценность, зависящую не от моего ничтожества, а от предпочтения Бога в отношении меня. И чтобы

сказать, что я достигла свершения, что моя привязанность достигла свершения, не нужно ничего выдумывать – это факт. Я дышу сегодня утром, поскольку Кто-то пожелал, чтобы я была, и не боится того, что я из себя представляю, и испытывает ко мне сострадание, и хочет моего существования». Люди, когда смотрят на Роуз, когда видят, кто она и чем занимается, не сомневаются в правдивости ее слов, как рассказывали после поездки в Кампалу Моника Маджони и Дарио Куратоло (они вместе с Роберто Фонтоланом создали фильм к шестидесятилетию Движения, который выйдет в октябре в виде приложения к журналу *Tracce*).

«Я» возрождается во встрече, где имеет место такой выбор, такое предпочтение, являющееся фактором жизненной уверенности, потому что этот выбор, это предпочтение – инициатива Бытия, пожелавшего, чтобы я существовал. Наша неуверенность, которая может касаться отношений (более того, обычно она касается именно отношений), а также и способности проявлять инициативу (и тогда мы становимся неуверенным присутствием и выносим неуверенные суждения), рождается, когда мы, не переживая опыт отношения с Бытием, желающим нашего существования в настоящий момент, пытаемся заполнить пустоту чем-то еще: другими отношениями или нашими инициативами.

Год назад на Дне начала брошенный нам вызов касался именно этого. Все мы хорошо помним рассказ о Магдалине, которая отправляется ко Гробу в надежде поклониться безжизненному телу Иисуса, а вместо этого слышит, как воскресший Господь «зовет ее по имени». Именно в момент, когда нас зовут по имени, говорил Каррон, возрождается «я» и возникает желание сообщить о случившемся другим, проявить инициативу в отношении мира.

Первым шагом к осмыслению важности вести, достигшей нас, стало в этом году письмо Каррона, адресованное всему Братству «Общения и освобождения» после личной аудиенции у Папы Франциска. В нем выразилась основная забота Святейшего Отца – необходимость сосредоточить внимание на сути вещей, то есть на встрече со Христом (ср. *Письмо Братству*. 16 октября 2013 г.).

Вызов, ставящий в центр суть вещей, сразу же оказался решающим фактором для дальнейшего созидания христианского присутствия в мире. С этой точки зрения издание книги Савораны «Жизнь отца Джуссани» и ее презентации по всей Италии послужили важнейшим инструментом для новых встреч, выходящих далеко за рамки наших усилий, поскольку способность встречаться лежит у истоков харизмы. И мы должны оставаться верными этому истоку, если не хотим его потерять.

Призыв Папы к сути вещей сопровождал нас на пути к вынесению суждения о выборах в Европарламент. Наиболее четко оно было сформулировано Карроном в выставочном центре Милана (впоследствии текст его выступления, «Европа-2014. Возможно ли новое начало?», вышел как «Первая страница» майского номера *Tracce*). Тогда прозвучали слова отца Джуссани: «Разрешение проблем, которые жизнь ставит перед нами каждый день, происходит не через прямое столкновение с проблемами, а посредством углубления природы субъекта, с ними сталкивающегося». И Каррон прокомментировал их: «Таков великий вызов,

брошенный Европе. Огромная потребность в воспитании выявляет умаление масштаба человека, списание его со счетов, недостаток осознания того, кем на самом деле он является, какова природа его желания и структурная диспропорция между тем, чего человек ожидает и чего может достичь своими силами» (*Европа-2014. Возможно ли новое начало?* П. 4).

Это суждение стало отправной точкой в летней работе многих наших общин. Без сомнения, самое великое свидетельство, которое было и остается у всех перед глазами на протяжении долгого времени, принадлежит нашим братьям христианам, претерпевающим гонения, страдающим и ежедневно рискующим жизнью ради того, чтобы утверждать свою веру. Благодаря их свидетельству мы видим, в чем состоит суть вещей, что для них является самым главным в этой тяжелой ситуации. Мы читали в *Tracce* интервью с архиепископом Мосула: «Можно переживать каждое мгновение в полноте надежды и радости». Его спросили: «Как вы пришли к подобной мысли?» – «Я сам начал жить так. Стал говорить об этом в моих проповедях и на встречах. Со временем я заметил, что люди меняются». – «Из чего вы сделали такой вывод?» – «Из их образа жизни. Они сами начали говорить мне, что им нужно крепче прирасти к нашей вере. Именно они рассказали мне, что вернулись, чтобы *жить*, несмотря на многочисленные трудности. Они произносили слова, но я по глазам видел: это правда» (A.S. Nona. Dai loro occhi so che vivono. Intervista a cura di L. Fiore. *Tracce*. N. 7/2014. P. 27–28).

Тут мы наконец начинаем понимать, что же такое свидетельство (не случайно именно этим словом изначально обозначалось мученичество): суждение любви и привязанности, ради которого можно отдать жизнь, в первую очередь потому, что в силу нового взгляда человека на самого себя, на собственную судьбу и на судьбу мира жизнь меняется. Можно отдать жизнь ради взгляда, который вера вносит в твое существование. Такое свидетельство позволяет судить о нас, ведь оно ясно показывает, что ради суждения о переживаемом опыте человек, не будучи героем, способен рискнуть собственной шкурой, где бы ни находился, в силу одного лишь простого факта: если не защищать этот опыт, жизнь перестанет быть жизнью! Вот сигнал к пробуждению для всего христианского народа, а также одна из задач, стоящих перед нашей дружбой: «я» должно проснуться. Его не нужно утешать, точнее, и это тоже, но не в том значении, каким мы обычно наделяем данный термин: «Ну, выше нос, увидишь – завтра станет лучше». Речь о другом. Единственное утешение, которого мы ищем, заключается в том, чтобы предстоять перед смыслом жизни. Ничто меньшее не в состоянии нас по-настоящему утешить, поскольку без смысла жизнь превращается в одиночество.

Летом я подумал: когда в наш опыт входит любовь всей жизни, когда с человеком случается встреча, способная пробудить «я», когда человек честен перед лицом случившегося события, он готов положить за него жизнь. Он не медлит, а приступает к действию, отдавая всего себя, все свои силы ради этой цели. И начинает ощущать жизнь как жертву, как то, что дано для достижения великой цели, и цель эта не плод воображения, она заключается в любви к Тому, Кто возлюбил тебя так сильно, что спас твою ничтожность, как мы говорили раньше. Я начал понимать, что все это – лишь предисловие, помогающее осознать, для чего мы созданы, открыть существование чего-то большего, возможность существования чего-то большего. Жизнь может быть более глубокой, человек может любить любовь своей жизни сильнее, чем в порыве героизма. Для нас жертва до конца не ясна. Мы готовы отдать жизнь

тем или иным способом, возможно даже великим, в котором есть потребность, совершив тем самым наше служение. Но существует жертва более великая: отдать жизнь, соглашаясь со сроками и способами, угодными Ему. Ты, возможно, не готов, не чувствуешь себя готовым к тому, чего у тебя просят и что отличается от того, как ты уже отдаешь жизнь. Но именно в этой просьбе сосредоточено все. И тогда понимаешь, что мгновение (мы много раз говорили об этом, но понимание приходит в опыте) обретает бесконечную ценность, когда отдать жизнь – значит принять сроки и способы, диктуемые любовью твоей жизни. Подобной готовности учишься, в ней возрастаешь, только благодаря всем твоим «да», пусть даже маленьким, которые ты начал произносить из любви.

Этим летом мы в разных обстоятельствах и в разных ситуациях между нами видели, как наш путь становится фактором, позволяющим «углублять природу субъекта». Но часто мы замечаем разницу между героическим порывом, живым в нас, и нормальным ходом вещей, который кажется нам реальностью «второго порядка», или же между суждением о реальности, основанным на вере, и необходимостью смотреть на того, кто находится перед нашими глазами, чтобы, как призывает Папа, встретить его по-настоящему, а не только на уровне диалектики. Поэтому мы спрашиваем у тебя: от чего зависит цельность «я», в силу которой можно переживать все, что нам дано, все стоящие перед нами вызовы, в полноте, не теряя вкус к жизни?

ХУЛИАН КАРРОН

Что делает «я» цельным?

«Я не существую, когда нет тебя», – это строчка из песни Франческо Гуччини, давшая название нашей сегодняшней встрече («Vogtei»). Слова и музыка Ф. Гуччини). О ком мы можем сказать такое? О ком мы можем сказать такое *сейчас*? Фраза поразила меня по двум причинам. Во-первых, я осознаю, в чем для меня суть вещей, потому что, когда ее недостает, я и сам не существую и «остаюсь один на один с моими мыслями», как поет дальше Гуччини. Во-вторых, суть вещей должна присутствовать в настоящий момент. Если она не присутствует сейчас, меня нет. Думаю, невозможно найти другой критерий, позволяющий признавать, в чем состоит суть вещей, к которой Папа вновь призвал нас в Послании Митингу в Римини. Суть вещей выявляется благодаря присутствию, позволяющему мне существовать, и я признаю это, поскольку, когда его не хватает, то и меня нет, нет в буквальном смысле. Сразу становится очевидно: проблема, прежде всего, не в последовательности, а в принадлежности присутствию, без которого меня нет.

Но благодаря чему мы существуем? Существоем сейчас, в настоящей исторической ситуации? Ничто, ничто не мешает нам проделать тот же опыт, о котором рассказывает Джорджо Габер в песне, прозвучавшей в начале встречи («L'illogica allegria». Слова А. Лупорини, музыка Дж. Габера). Я могу быть «один», где угодно, «на автостраде», в любое время дня, «в первых утренних лучах», зная, что «все идет прахом», но меня «устроит и пустяк, / маленький проблеск, / дежавю, / пейзаж <...> / И мне хорошо». Достаточно, чтобы реальность, любая ее составляющая, самая малость, через любое обстоятельство появилась на горизонте нашего «я», пробудив его, сделав возможным опыт этого «мне хорошо». Он

настолько удивителен, что кажется сном, нам словно немного «стыдно» из-за него. Но одно ясно: я не могу отрицать, что «мне хорошо / прямо здесь, прямо сейчас, / Я ведь не виноват, что со мной так бывает!» Реальности словно удается проникнуть в наше «я» за мгновение до того, как мы начнем защищаться и загораживаться от нее стеной, ей удается сделать «я» самим собой, «прямо здесь, прямо сейчас». И я обнаруживаю в себе «нелогичную радость». Кажется ни с чем несоразмерным тот факт, что «пустяк, маленький проблеск, дежавю» могут принести в жизнь такую радость. «Нелогичная радость, / причина которой мне неизвестна, / я не знаю, что это», – нелогичная радость одновременно реальна и таинственна. Если бы она не была реальной, не случилось бы то, о чем Габер говорит дальше: «Словно внезапно / я воспользовался правом / жить настоящим». Что-то входит в жизнь, позволяя мне присутствовать в настоящем, «прямо здесь, прямо сейчас». Какая-то малость охватывает меня настолько, что открывает самому себе. Я становлюсь цельным, я присутствую, когда ты есть.

Сложно найти другую песню, которая бы лучше выражала смысл десятой главы «Религиозного чувства». По словам отца Джуссани, «я», замечая неизбежное присутствие реальности, «оживленное в своем бытии присутствием, притягательностью и изумлением, исполнено благодарности и ликования» (Ср. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 123), и ему хорошо.

Кто не желал бы этого каждое утро, каждую секунду жизни? Мы и сами неоднократно переживали момент полноты, перед которым человек удивляется. В этом простейшем, элементарном опыте, доступном каждому и происходящем в любое время, в любом месте, в любых обстоятельствах, сосредоточен весь метод. Присутствие, позволяющее мне быть. Никакие мои усилия неспособны дать мне то, что дает такой момент. И не существует другого критерия, чтобы признавать, в чем состоит суть вещей. Суть вещей выявляется, потому что благодаря ей я действительно есть, а когда ее недостает, меня нет, в буквальном смысле нет! Как только она появляется, появляюсь и я, и я доволен и переживаю «нелогичную радость», «прямо здесь, прямо сейчас», и эта радость делает меня способным жить настоящим.

Когда же этот метод не на первом месте, «насколько же горько, любовь моя, / видеть вещи, как вижу их я [реальность не меняется, другим становится взгляд] <...> / Какое разочарование <...> / проживать жизнь с этим сердцем [так часто застывшим], / не желая ничего терять» («Amare ansoга». Слова и музыка Клаудио Кьеффо) и тем не менее замечая, что все ускользает из рук.

Но измениться легко: «Достаточно просто вновь стать детьми и вспомнить... / И вспомнить, что все дано, все обновлено / и освобождено». Нужно лишь понять: наша первая активность – это пассивность, принятие, признание того факта, что все дано. Хватит и одного проблеска, чтобы сказать: «Нам что-то дано». Не требуется ничего из ряда вон выходящего. Достаточно и маленького проблеска, чтобы любая вещь, даже самая незначительная, подтвердила присутствие чего-то иного. «Вот наш метод, позволяющий прояснить проблему человека как существа религиозного, которая является наиболее глубокой и всеохватной человеческой проблемой, – говорит отец Джуссани в книге *In cammino*, последней из серии «L'Equipe». – Необходимо, прежде всего, превратить в личный опыт отношение между

человеком и реальностью, воспринимаемой в ее сотворенности» (*In cammino. 1992–1998*. Milano: Bui, 2014. P. 316).

Каждый из нас в определенные исключительные моменты пережил подобный опыт, но мы задаемся вопросом: как он может стать постоянным? Как превратить отношение между человеком и реальностью, воспринимаемой в ее сотворенности, в устойчивый личный опыт? Вот тут-то и возникает вопрос о пути. Действительно, не проделывая путь, мы можем даже после исключительных моментов вернуться к обычной монотонности, и все вновь становится плоским, унылым, неполноценным. Мы принадлежим к Движению, чтобы вместе идти по пути и поддерживать друг друга. Как говорил Давиде, каждая наша встреча нужна, чтобы продолжать путь, чтобы не терять к нему вкус, ведь не проделывая его, то есть не получая воспитания, я не превращу описанный метод в личный опыт, не сделаю его своим. Реальность находится перед нами, но она не наша.

Вот почему необходимо вернуться к вопросу, над которым мы работали летом: «Чего ищете?» Поиск – характерный признак человека, находящегося в пути. Но мы также сказали: не следует считать само собой разумеющимся вопрос «чего ищете?». Можно принадлежать к Движению, присутствовать здесь физически и ничего не искать; быть здесь и никуда не двигаться. В таком случае вместо нелогичной радости нас переполняют жалобы на жизнь.

Поразительно, что весь опыт, который мы приобретаем, ничем не отличается от опыта любого человека, живущего принадлежностью. Тот же Габер в другой своей песне, «Кто-то был коммунистом», приводит очень длинный список причин, по которым можно быть коммунистами: потребность в «стимуле» или «ином типе морали», «желание менять вещи» или «порыв души» и т.д. Чего искал герой в принадлежности к партии? Чего желал? Он желал преодолеть дуализм, который часто мы замечаем и в нас. «В нем словно жили два человека», – говорит Габер. «С одной стороны рутина повседневности, а с другой – чувство принадлежности к стае, что готова ринуться в полет, который изменит жизнь» («Qualcuno era comunista»). Слова и музыка Дж. Габера и А. Лупорини). У принадлежности одна цель: менять жизнь, «существование, сбивающее с ног» (ср. С. Pavese. *Dialoghi con Leucò*. Torino: Einaudi, 1947. P. 166).

Затем, со временем, после многих лет жизни в принадлежности, возникает драматичный вопрос: «И что теперь?» Теперь. Любая принадлежность волей-неволей нуждается в том, чтобы пройти через проверку утомительной повседневностью. Оказалась ли принадлежность способной отвечать на вызовы жизни, на желание изменения? Поражает, с какой честностью Габер признает результат теста: «А теперь? Да и теперь он словно разодран напополам: с одной стороны – человек приспособленный, униженно влачащий убогое повседневное выживание. С другой – чайка, которая уже не мечтает взлететь, потому что мечта окоченела. / Двое несчастных в одном теле («Qualcuno era comunista»). Слова и музыка Дж. Габера и А. Лупорини).

Видите, не всякая принадлежность разрешает вопросы бытия. Как и не всякий способ переживать подлинную принадлежность освобождает от дуализма. Проблема цельности жизни постоянно возникает вновь. И мы не отвечаем на нее, просто на словах заявляя

о принадлежности или настаивая на ней волюнтаристским образом. Мы по-прежнему можем переживать глубокое разделение на «влачащих убогое повседневное выживание» и «чаек, которые уже не мечтают взлететь».

У нас, принадлежащих реальности Движения, такая же проблема. Подобно коммунисту, вынужденному пройти испытание историей, мы совершаем проверку веры перед лицом вызовов истории и повседневности. И что теперь? Один из вас пишет мне: «В нашей группе Братства (хотя я слышал то же самое от людей из других групп), часто оказывается сложным воплотить в жизнь братскую дружбу, которая позволяет разделять *опыт* каждого из нас так, чтобы можно было выражать общие суждения, а значит, чтобы группа была полезной для всех и помогала каждому обрести в своей жизни взгляд “небесных глаз”. Вместо того чтобы с такой целью искать братской помощи, мы часто ограничиваемся *комментариями*, зачастую интеллектуального характера. Однако в конце концов мы остаемся неудовлетворенными и спрашиваем себя, что нужно делать, словно решение лежит где-то вне нас». Как видите, не всякий способ переживать принадлежность годится. Подмена опыта комментариями не помогает обрести взгляд «небесных глаз». Отец Джуссани предвещал нам это: «Вера, которая не может быть обнаружена и обретаена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, такая вера не в силах устоять в мире, где все, *все* <...> противоречит ей» (ср. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 24–25). Вот опасность, подстерегающая нас: принадлежность, которой мы живем, может не отвечать на насущные потребности.

Удивительно, насколько честен Габер, когда еще в одной своей песне, «Желание», признает, что «бессмысленно [продолжать] перечислять проблемы / и придумывать новые имена [«делать интеллектуальные комментарии», как говорит наш друг] / для упадка, в который мы приходим, / и который не остановишь нескончаемыми разговорами. / Любовь моя, все это не нужно, / если то, чего нам не хватает, / называется желанием» («Il desiderio»). Слова и музыка Дж. Габера и А. Лупорини). Какая драма! Мы не в силах остановить собственный упадок нашей болтовней, или спорами, или чередой комментариев, потому что они – первый знак того, что мы регрессируем. Если нам недостает желаний, если в нас нет этого жизненного мотора (по словам Габера, «желание есть настоящий внутренний стимул / <...> единственный мотор,двигающий мир»), то кто нам его вернет? Если наше совместное пребывание не помогает обрести взгляд «небесных глаз», благодаря которым мы еще способны летать, то кто же позволит нам настолько присутствовать в настоящем, чтобы пробудилась вся наша ностальгия?

Меня всегда поражала мысль о том, что первый дар, который я получил от отца Джуссани, заключался в способности видеть, с каким бесстрашием он говорил о том, чем мы жили и что стыдливо прятали даже от самих себя. Мы можем смотреть на эти вещи, говорить о них, бросать им вызов только в силу того, что получили. Поэтому каждый из нас, принадлежа многие годы к Движению, должен видеть, не превратился ли он в «чайку, которая уже не мечтает взлететь», осталось ли в нем еще желание подняться в воздух (ведь желание – мотор, движущий все) и сознание, что он не только не «потерял жизнь, живя», выражаясь словами Элиота, но и что, живя, он продолжает приобретать ее. В общем, вопрос не банален: мы все еще ищем или уже остановились?

Господь нас не оставил

На каком бы отрезке пути мы ни находились, какой бы его этап каждый из нас ни преодолевал, претерпевая ли трудности или переживая радость, мы и по сей день слышим во всей их новизне слова Папа обращенные к Митингу в Римини: «Господь не оставил нас наедине с самими собой, не забыл о нас. В древности Он избрал одного человека, Авраама, и направил его на путь к земле, которую пообещал ему. А когда пришла полнота времен, Он избрал молодую женщину, Деву Марию, чтобы воплотиться и жить среди нас. Назарет был неприметной деревней, окраиной, как в политическом, так и в религиозном смысле, но именно на него воззрел Бог, чтобы привести к свершению Своей милосердный и верный замысел» (Франциск. *Послание Митингу за дружбу между народами*. 24–30 августа 2014 г.). Для нас место, где Тайна продолжает избирать нас, где Господь по-прежнему являет нам Свое милосердие, – это, как мы прекрасно знаем, наша харизма. Именно здесь Он продолжает призывать нас через любой жест, любое слово, любую попытку.

«Дорогой отец Хулиан, “я не существую, когда нет Тебя”, – написал мне вчера один из вас, как только узнал название нашей сегодняшней встречи. – Сегодня я открыл самого себя именно таким образом. Когда Христос входит в границы моего взгляда, моего дня, я “живу”. Живу, даже если многие недели провожу в разъездах, вдали от семьи и детей. Живу, меняя часовые пояса и постель, утомляясь на работе. Живу, благодаря “памяти” о Христе, предстающей передо мной разными способами, о которых и ты недавно говорил: в Таинствах, в утренней молитве, в телефонных звонках, на школе общины, на встречах и, наконец, в свидетельстве на Митинге, просмотренном в записи на YouTube... Теперь я замечаю, что даже действия, казавшиеся некогда ханжескими, являются даром реальной компании и нравятся мне. Память о Христе озаряет все, включая самые простые или самые тяжелые моменты. Но если я не помню о Христе, то меня и правда нет. Его отсутствие – смертельное бремя, как на этой неделе: я дома, укрыт от тягот жизни, но ничего не достаточно. Пишу тебе, чтобы сказать, насколько жду завтрашнего дня. Я действительно не существую, когда Тебя нет».

Вопрос в том, как каждый из нас отвечает на ту историческую ситуацию, в которой Тайна продолжает милостиво обнимать наше ничтожество. Несомненно, желание летать поддерживается в нас не формальной принадлежностью, а настоящим следованием. Единственная возможность и дальше искать, и дальше пробуждать желание – это следование.

«Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить тебя за упражнения Братства 2014 года. В те дни ты возродил во мне желание в отношении всех вещей (рискну сказать: ты вернул мне жизнь). До тебя, до встречи с тобой я умалял всех и вся. Сводил христианство к хорошему примеру, который следует подавать, но потом сам так не поступал и в результате всегда ощущал себя неудовлетворенным, лишенным благодати Божией, и скитался в одиночестве, как какой-то бродяга, без настоящей цели. Мне даже страшно было оставаться одному... Но в дни упражнений ты пробудил в самой моей глубине дар Его присутствия, и я чувствую, что никто и ничто не в силах меня остановить... “Чувствую жизнь, которая вспыхивает в моем сердце”, как пел Кьеффо. Спасибо тебе! После Римини, вернувшись к реальной жизни, к повседневности, я с головой погрузился (окунулся в буквальном смысле...) в работу над

упражнениями, и что-то уже пускает ростки: я более доволен и продолжаю углубляться в чтение текста, дохожу до сути, и какая-то искорка надежды начинает освещать мою тьму. Я другой человек и благодарю Бога за это, ведь на протяжении долгих лет я ждал чуда, а теперь наслаждаюсь каждым шагом пути, который должен проделать, в радости и в боли.

Встреча с Присутствием, дающим мне бытие, выражаясь словами отца Джуссани, «возрождает личность, позволяет человеку воспринимать – впервые или заново, открывать смысл собственного достоинства, достоинства собственной личности. И поскольку человеческая личность состоит из разума и привязанности, или свободы, эта встреча пробуждает в разуме новое любопытство, стремление к новой истине, желание новой искренности, желание познать, какова реальность на самом деле, и “я” начинает трепетать от любви к сущему, к жизни, к себе, к другим, какой раньше в нем не было. Поэтому можно сказать: рождается личность» (*In cammino. 1992–1998*. P. 184–185).

Что же такое следование? Формальная принадлежность, устное повторение правильных и справедливых определений или же, как говорит Джуссани, опыт истинной реальности? Здесь Тайна вновь сжалилась над нами и дала все необходимое для ответа, объяснив на примере жизни отца Джуссани, в чем состоит следование, чтобы никто не впал в заблуждение и чтобы у каждого в руках был инструмент для понимания смысла следования (а значит, и для принятия решения о том, следовать или нет). Нам был указан путь, позволяющий сделать нашей истинную реальность и достичь цельности жизни, которой мы все желаем. Альтернатива ясна: либо формальная, ассоциативная, организационная принадлежность, не способная остановить жизненный регресс, либо [настоящая принадлежность] следование – такое, каким нам описывал его отец Джуссани. И сколько раз еще нам придется повторить это, чтобы перейти от намерения к опыту! «Следование – это желание пережить самому [пережить самому!] *опыт* человека, который однажды стал для тебя вызовом и остается таковым благодаря присутствию в жизни общины, это не стремление стать как тот человек в его конкретности, полной ограничений, а подражание тому, как он отдает себя ценности, спасающей и его бедное человеческое лицо; это желание быть причастным жизни того человека, который донес до тебя нечто Иное; и именно этому Иному ты предан, к Нему устремлен, к нему хочешь прирасти на этом пути (*Il rischio educativo*. Torino: SEI, 1995. P. 64). Переживать опыт другого не значит формально повторять его действия или иметь отношение к некой ассоциации. Разница колоссальная! В первом случае человек не останавливает упадок, не пробуждает желание, не дает себе крылья, чтобы взлететь. Во втором он все более очарован и чем дальше, тем больше становится самим собой.

«Перечитывая собрание упражнений Братства, – пишет один из вас, – я вновь переживаю побуждающий и освободительный импульс, заданный твоим первым ответом. Мне, шестидесятилетнему, человеку из поколения так называемых “старожилов” Движения кажется, что важнейший отправной пункт (и так было с самого начала твоего руководства) – это вызывающее соответствие, переносящее меня в те времена, когда я четырнадцатилетним подростком открыл Движение как путь спасения моей жизни. Перед лицом тех, кто жалуется, я ощущаю себя отчасти как слепорожденный перед возражениями фарисеев: “Вы говорите, что так не годится, но между тем я следую и вновь обретаю смысл встречи с Движением, его свежесть, его ироничную юность, к которой добавилось и немного зрелости. Здесь я вижу

совершенно новый путь свободы и обретения сознательной веры. Так что же, мне нужно перечеркнуть все и дать место возражениям? Но ведь я, следуя по пути, вижу и дышу – это факт, которого вы не в силах меня лишить”». Человек может ответить на вопрос: «И что теперь?» – когда в шестьдесят лет, сорок из которых отмечены принадлежностью к Движению, обнаруживает в себе свежесть, способность дышать, свободу и совершенно новую сознательность веры, которые неподвластны никаким возражениям. И что же позволило ему сделать подобную новизну стабильной в жизни? Следование.

Вот почему вопрос о нашей жизни постоянно решается именно на этом уровне: в следовании или не следовании за харизмой. А метод обобщенно выражен в одной фразе отца Джуссани, которую я часто повторяю: «Определение должно выражать то, что уже было достигнуто, в противном случае оно было бы навязыванием некой схемы» (*У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 79). Определение либо уже завоевано в личном опыте, либо становится навязанной схемой. Поэтому мы должны выбрать, за кем хотим следовать: за людьми, предлагающими схемы, или за теми, кто помогает на личном опыте овладеть содержанием определения. Именно такая помощь была методом, который использовал Иисус. Нет другой альтернативы. И если мы не понимаем, насколько это важно для нас, то потом, даже того не замечая, ровно так же поступаем с другими: навязываем им схемы. Часто мы довольствуемся повторением самим себе определений и речей и поэтому в конечном итоге думаем, что достаточно навязать другим определения или, хуже того, вбить в них наши правильные определения. Но как мы знаем из опыта, жизнь в результате не становится цельной и знакомое мне определение не становится моим. Чтобы овладеть им, необходим опыт. Не знаю, сколько раз я уже повторил следующее: «Реальность выявляется в опыте». И еще: «Опыт есть феномен, в котором реальность становится прозрачной и доступной познанию» (*In cammino. 1992–1998*. Р. 311, 250). Это «ключевая» фраза Джуссани!

Так что же значит пережить самому опыт другого человека? Что значит пережить опыт отца Джуссани? О чем он свидетельствовал нам и что предложил в качестве гипотезы, позволяющей входить в реальность, быть людьми, не теряя стремление летать, не переставать искать, не допускать, чтобы угасало желание? Послушаем еще раз слова Папы, который в Послании Митингу призвал нас «не терять связи с реальностью и даже более того – любить реальность. Это тоже часть христианского свидетельства: в присутствии господствующей культуры, ставящей на первое место видимость, нечто временное и поверхностное, вызов заключается в том, чтобы выбрать реальность и полюбить ее. Отец Джуссани оставил нам в наследие именно такую жизненную программу. Он утверждал: “Единственным условием того, чтобы быть действительно религиозными, является всегда насыщенное переживание реальности. Путь постижения смысла реальности – это переживание реальности без ограничений, то есть не отвергая и не забывая ничего. И действительно, было бы бесчеловечно, то есть неразумно, рассматривать опыт ограниченно, поверхностно, оставаясь на гребне его волны, не спускаясь в его глубину”» (Франциск. *Послание Митингу за дружбу между народами*. 24–30 августа 2014 г.). Этим призывом Папа вновь дарит нам «сегодня» жизненную программу, которую отец Джуссани всегда предлагал нам! И программа эта состоит не в повторении правильных определений, она указывает путь,

доступный любому из нас. Чтобы быть людьми, необходимо «всегда насыщенно переживать реальность» (*Религиозное чувство*. С. 126). Каждому решать.

Ценность обстоятельств

Из чего состоит реальность? Из обстоятельств. Из обстоятельств, через которые, как говорил Давиде, Тайна призывает, пробуждает нас, идет нам навстречу, чтобы мы никогда не мельчали, ни перед чем не сдавались. Именно поэтому отец Джуссани предлагал нам смотреть на обстоятельства так, чтобы не оставаться на поверхности. Ведь обстоятельства – этот тот способ, с помощью которого Тайна зовет нас, вытаскивает из небытия, отдает нам предпочтение. Поэтому он говорит все в том же «Религиозном чувстве»: «Человек, разумная жизнь человека должна зависеть от мгновения, зависеть в каждый миг от этого знака, внешне столь зыбкого, столь случайного, каковым являются обстоятельства, посредством которых неведомый “господин” увлекает меня своим замыслом». Требуется не определение, а ответ на призыв. И обстоятельства – тут отец Джуссани идет еще дальше – могут являться «знаком столь неясным [тяготы жизни, унылая повседневность, драматичные ситуации, события, на первый взгляд бесчеловечные], столь смутным, столь непонятным и, как кажется, столь же случайным, как и сменяющие друг друга обстоятельства: это все равно что оказаться во власти реки, течение которой увлекает тебя то в ту, то в другую сторону». И все же именно таким образом Тайна призывает меня, не позволяя провалиться в небытие. И «говорить да во всякий момент, ничего не видя, просто поддаваясь давлению обстоятельств – значит занимать головокружительную позицию» (ср. *Религиозное чувство*. С. 156). Поэтому-то мы так часто пугаемся и отступаем перед лицом вызова. Но как же удивительно свидетельство отца Джуссани! «Надеюсь, что моя жизнь, – говорил он нам, – прошла так, как хотел Бог. Можно сказать, она протекала под знаком неотложной необходимости, поскольку каждое обстоятельство и, даже более того, каждое мгновение для моего христианского сознания были наполнены поиском славы Христовой» (Отец Джуссани: «Я ничто, Бог – все». Интервью под ред. Д. Боффо. *Avvenire*. 13 ottobre 2012. P. 3).

Для него «жизнь совпадает с реальностью в той мере, в какой она тебя затрагивает, призывает, провоцирует, и потому не существует жизни без задачи». И как же жизнь затрагивает тебя? «Она затрагивает тебя как реальность [реальность, привлекающая к ответу твою свободу], а реальность всегда побуждает тебя к сотрудничеству, к вовлечению, то есть к выполнению какого-то задания». Друзья мои, вот за чем мы должны следовать. Именно так Тайна призывает нас. Но кто может ожидать от нас такого следования? Лишь Бог. Кто еще способен претендовать на нечто подобное? Только Тот, Кто зовет нас. И поэтому крайне важно понять, как Бог призывает нас, иначе мы говорим о Нем отвлеченно, отбрасывая Его за рамки реальности, отодвигая туда, где, по-нашему, Ему место, и таким образом смотрим на реальность, как говорит Папа, оставаясь на поверхности, не признавая, что мы призваны отвечать Ему в обстоятельствах. Но отец Джуссани учил нас признавать обстоятельства и рассматривать их в истинном свете, как способ, с помощью которого Бог зовет нас. И это может быть совершенная банальность (маленький проблеск) или смутная, порой непонятная ситуация, и все же Тайна словно говорит нам: «Смотри, то, чего ты не понимаешь, что кажется тебе столь смутным, – это знак, посредством которого Я, творящий все, создаю и твою жизнь, помогаю тебе взрости, делаю тебя самым собой, цельным, возрождаю твое

желание, позволяю тебе по-настоящему присутствовать в настоящем». Как удивительно, когда человек соглашается с таким замыслом!

«Дорогой отец Каррон, пишу тебе, чтобы поблагодарить за предложение, сделанное на упражнениях и за работу над “переживанием обстоятельств”, через которую ты бросил нам вызов этим летом. Мне двадцать семь лет. Два года назад я вышла замуж, а затем стала мамой. Моей дочери девять месяцев, она родилась с синдромом Дауна. Я врач и в настоящий момент ищу работу. Ситуация, прямо скажем, непростая. И вот я пишу тебе, чтобы сказать спасибо, потому что в эти месяцы я осознала, насколько нуждаюсь в следовании. Перед лицом жизни недостаточно исключительного факта (в моем случае, благодаря таинственному присутствию моего ребенка, исключительной в некотором смысле является повседневность), недостаточно добротной католической подготовки. Я христианка и практически всегда принадлежала к Движению, но этого мало, чтобы жить по-настоящему. Сегодня, чтобы жить тем, что есть, необходим смысл. В последние месяцы я не просто формально следовала за Движением, но и позволяла себя воспитывать, пусть порой приходилось нелегко. И это следование внесло в мою жизнь сознание о том, что сегодня мне дана компания, полезнее которой нет ничего, мой путь к познанию Того, Кто действительно наполняет сердце, – Иисуса. Он стал мне верной компанией, любимым и необходимым присутствием. Мне не нужно, чтобы кто-то говорил, что моя дочь обладает бесконечной ценностью, что ее жизнь есть нечто великое (это становится очевидным в повседневном отношении с ней, ты бы ее только видел!). Разница заключается во вкусе к жизни, который появляется, когда понимаешь: Господь призывает меня здесь, а не там, где хотелось бы мне. И кажется, будто мне “вернули” сегодняшний день, а значит и мелочи, и мой дом, моего мужа, мою дочь! Это действительно наполняет сердце благодарностью. Честное слово, никогда бы не поверила, что переживание реальности зажжет во мне желание счастья, вместо того, чтобы утихомирить или упорядочить его. Еще раз спасибо от всего сердца за то, как ты указываешь этот человеческий, этот человечнейший путь». Сегодня ей дана компания, полезнее которой нет ничего. Ей не нужно было, чтобы кто-то говорил о бесконечной ценности ее дочери (то есть давал определения); для этой молодой матери «разница заключается во вкусе жизни, который появляется, когда понимаешь: Господь призывает меня здесь, а не там, где хотелось бы мне». Так ей словно вновь даруется все: вещи, дом, муж, ребенок.

Но порой мы не придерживаемся этого метода. Человек решает не признавать его и отступает. Каково искушение перед вызовом современных обстоятельств, которые нередко приводят нас в смятение? Поддаться страху, полагая, будто можно достичь цельности, «оградив себя от рисков», как этим летом выразился профессор Эудженио Маццарелла. Мы не верим, что обстоятельства даны нам Тайной, Влыдыкой времени и истории, ради нового завоевания истины, ведь не существует другого способа вновь завоевать уже известную истину, кроме того, который вовлекает мою свободу, мою личность в Истину с большой буквы, призывающую меня через обстоятельства.

Как напоминает нам кардинал Скола в интервью журналу *Tracce*, порой преобладает «статичное видение человека: некоторые, руководствуясь определенным этическим интеллектуализмом, до сих пор думают, что единственная проблема состоит в том, чтобы освоить верную доктрину и затем применить ее к жизни: “Подлинная доктрина, как только

будет провозглашена, победит”. Такая позиция, однако, не учитывает один факт: именно в силу того, что человек “вброшен” в жизнь, он приобретает опыт, порождающий вопросы. Доктрина, которая для христианина очевидным образом опирается на изначальный опыт следования за Христом, авторитетным образом предлагаемый Учительством Церкви, должна быть вновь открыта как органичный ответ на все “почему?”, возникающие в опыте. В противном случае она окажется недостаточной» (Le conseguenze del bell’amore. Intervista a cura di D. Perillo. *Tracce*. N.8/2014. P. 31).

Вот почему отец Джуссани не оставлял нас в покое и подчеркивал: после встречи «не следует отправлять реальность в архив, потому что мы уже все знаем и у нас уже все есть [в силу простого факта встречи с Ним]. У нас есть все, но в чем состоит это “все”, мы понимаем [только] <...> в столкновении с обстоятельствами, людьми, событиями», как нам засвидетельствовала молодая мама. Или мы это понимаем, или же все исторические вызовы, неизбежно встающие перед нами, никоим образом не будут касаться нашего пути и превратятся в препятствие. Отец Джуссани, напротив, считает их ценными. У нас есть все, но мы не увидим, в чем состоит это “все”, только повторяя определения и ограничиваясь формальной принадлежностью; необходимо столкновение с обстоятельствами. Не понимая, что совокупность обстоятельств дается нам ради нашей зрелости, ради достижения нашей цельности, мы всегда будем избегать этой проверки. «Нет нужды, – настаивает отец Джуссани, – отправлять что-либо в архив, <...> подвергать цензуре, забывать, отрицать. [Поскольку] в чем состоит то “все”, которое у нас есть, истина, которая у нас есть, <...> в чем состоит это “все”, мы понимаем <...> во встрече с вещами, то есть через факт встреч и событий, посредством встречи <...> и в рамках событий» (*Io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bui, 2010. P. 55).

Его компания: уверенность в любом месте

Только так можно достичь уверенности, позволяющей нам входить куда угодно, идти на любую окраину, и мы уже не пребываем во власти страха, нас определяет уверенность, которую Он порождает в нас, ведь, как говорит Папа в Послании «Митингу» (нужно вновь полностью перечитать его!), «христианин не боится оставить центр и направиться к окраинам, поскольку центр для него – во Христе Иисусе. Он освобождает нас от страха [не потому что мы формально говорим «Христос», как мы прекрасно знаем, этого недостаточно, формальной принадлежности не хватит, чтобы победить уныние, чтобы победить страх; необходим опыт Христа]; в Его компании мы можем смело идти в любое место, преодолевая даже тяжелые моменты и зная, что, куда бы мы ни шли, Господь всегда предваряет нас Своей благодатью, и наша радость – в том, чтобы разделять с другими благовест о Его присутствии среди нас. Ученики Иисуса, вернувшись из миссии, были воодушевлены успехом. Но Иисус сказал им: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах (Лк 10, 20–21). Не нам спасать мир, лишь Бог его спасает» (Франциск. *Послание Митингу за дружбу между народами*. 24–30 августа 2014 г.).

Лишь тот, кто уверен в сути вещей, будет готов к поиску форм и способов передачи другим истины, которую он встретил. В противном случае невозможность общения между людьми станет абсолютной. «Стремительно преобразующийся мир просит от христиан готовности

искать формы и способы передачи на доступном языке непреходящей новизны христианства [отец Джуссани подал пример настоящей революции в области форм и способов]. И здесь тоже нужно быть реалистами. “Нередко лучше замедлить шаг, отбросить страх и посмотреть в глаза, выслушать или же оставить неотложные дела, чтобы сопроводить того, кто оказался на обочине” (*Evangelii Gaudium*, 46)» (*там же*).

«Сколько людей, – говорит все тот же Папа, – на стольких современных окраинах бытия “утомились и потеряли последние силы” и ждут Церковь, ждут нас! Как достичь их? Как разделить с ними опыт веры, любовь Божию, встречу с Иисусом? Ответственность за это лежит на наших общинах <...>. Перед лицом множества просьб мы рискуем испугаться и замкнуться в самих себе, в страхе занять оборонительную позицию. Отсюда рождается искушение впасть в высокомерие и клерикализм, перевести веру в правила и инструкции, как поступали книжники, фарисеи и законники во времена Иисуса. Мы проясним и упорядочим все, но верующий и ищущий народ по-прежнему будет алкать и жаждать Бога» (Франциск. *Обращение к участникам встречи, организованной Папским советом по содействию новой евангелизации*. 19 сентября 2014 г.).

Чтобы отвечать на встающие перед нами вызовы, Папа предлагает нам вновь посмотреть, как поступал Сам Иисус: не пугаясь, не останавливаясь на страхе, Он шел навстречу тем, кто «утомился и потерял последние силы». Яркий пример связан с мытарями, которые жили в столь откровенном разрыве с остальными, что их ненавидели все вокруг. Глядя на отношения Иисуса с мытарями, книжники и фарисеи роптали: «Он принимает грешников и ест с ними». Но их возражения не останавливали Иисуса. Более того, Он еще сильнее защищал свои отношения с мытарями, рассказывая притчи, в том числе о блудном сыне (*Лк 15, 11–32*). Из них становилось ясно, насколько Он осознавал риск, подстергавший Его. Образ блудного сына всегда будет напоминать о тех, кто, получив все (отца, дом, богатство и т.д.), не в силах устоять перед притяжением самостоятельности. Ему кажется, что все преграждает путь его жажде безграничной свободы, – то же самое мы часто видим в самих себе и в окружающих. Каждый из нас может представить, как содрогнулся отец от сыновней свободы. И все же он рискнул и настолько возлюбил свободу сына, что тот смог в собственном опыте вновь овладеть тем, что казалось ему уже известным!

И происходит непредвиденное. Когда сын совсем сбился с пути, когда ради выживания он готов есть рожки со свиньями, оказывается, что не все потеряно. В чем тут дело? В самый неожиданный момент сын «приходит в себя», замечает, что не всего себя утратил. В самый, на первый взгляд, мрачный, лишенный всякой ясности момент в игру вступает его сердце с образующими его потребностями и очевидностями. Никакие ошибки не в состоянии уничтожить память о доме, об отце и о жизни, которую ведут отцовские работники. И потому он начинает выносить суждение, молниеносно сравнивая свое нынешнее положение с прежним: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода!» И так он в рамках собственного опыта вновь постигает то, что полагал известным. Он осознает масштаб своей нужды, понимает, какое благо – иметь отца. Наконец, ему становится ясно, где находится свобода, он открывает, что свобода есть отношение, связь с домом, с отцом; он признает, что благо – это отец, который снова обнимает и принимает его как сына. Отец же в свою очередь счастлив видеть, как его терпение по отношению

к сыновней свободе позволило ему вновь обрести свое дитя, и он благодарен и исполнен радости оттого, что у него есть сын, который счастлив быть его сыном. В то же время неизменным для нас останется и другой факт: если принадлежишь дому лишь формально, как второй сын, то совершенно необязательно поймешь, что значит быть сыном и иметь отца. Можно жить дома и при этом постоянно жаловаться.

Именно с целью защитить способ общаться с теми, кто живет на окраине человечества, куда их привела томительная, не оставляющая в покое и неутрачивающая жажду свободы, Иисус предлагает своим хулителям взглянуть на отношение отца к блудному сыну. Обращаясь подобным образом с мытарями, которые решили покинуть слишком тесный для них дом Отца, Иисус словно говорит фарисеям: «Я поступаю так, рискую и жду их, потому что и Мой Отец делает так же». Для Него именно уверенность в отношении с Отцом является существенно важной для того, чтобы жить и по-настоящему рисковать в общении с теми, кто отделился, позволяя им открыть в собственном опыте, кто они и Кому принадлежат.

В настоящий момент, крайне непростой, обозначенный, как мы видели, говоря о Европе, разрушением исторических очевидностей, перед лицом чудовищных мучений и страданий (подумаем еще раз о притче про блудного сына), перед лицом многих наших современников, упорно выбирающих самые странные дороги (как порой случается и с нами, когда мы ищем удовлетворения согласно собственным представлениям), – в такой момент и в таких условиях мы можем понять, как Тайна решает рискнуть и оставить человеку его свободу, чтобы каждый из нас открыл, кем является в действительности и к чему призван. На что полагается Тайна? На наше сердце и на Свое присутствие, ставшее плотью и приблизившееся к нам, чтобы пробудить в нас желание вернуться домой, чтобы в любых тяготах мы могли открывать подлинный смысл свободы.

Мы были избраны не для того, чтобы вырваться из реальности, но чтобы еще больше углубляться во всякую ситуацию. Мы были избраны, чтобы сопровождать всякого человека, «оказавшегося на обочине», как утверждает Папа. Отец Антонио Спадаро, выступая на Митинге, обратился к образу факела: «Факел <...> движется туда, куда идут люди, он освещает ту часть человечества, у которой находится. Если человечество направляется к пропасти, факел тоже направляется к пропасти [и не потому, что хочет столкнуться в нее], иными словами, сопровождает людей на их путях. Очевидно, что таким образом ему, возможно, удастся предотвратить падение в бездну, поскольку он позволит ее заметить. Если ты не шагаешь вместе с человечеством, если остаешься на месте и заявляешь: “Свет здесь, спасение у нас, идите все сюда, а кто не хочет, тот пусть убивается на здоровье”, – то Церковь уже больше не “полевой госпиталь”, как о ней говорит Папа Франциск. Необходимо сопровождать культурные и социальные процессы, сколь бы двусмысленными, сложными и запутанными они ни были» (из выступления А. Спадаро, текст которого войдет в книгу *Le periferie dell'umano* под ред. Е. Беллони и А. Савораны, готовящуюся к публикации в издательстве Bui).

Таким образом, признавать, что мы избраны, настаивать на сути вещей – не значит добраться до пункта назначения, отсюда все только начинается. В том же Послании Митингу Папа Франциск призвал «вернуться к тому, что является самым важным, то есть к Евангелию

Иисуса Христа», поскольку «христиане обязаны провозглашать его, не исключая никого, но не навязывая новую обязанность, а, скорее, делясь радостью, указывая на прекрасный горизонт, предлагая желанную трапезу. Церковь возрастает не за счет прозелитизма, а благодаря “привлекательности” (ср. *Evangelii Gaudium*, 14), иными словами, «посредством личного свидетельства, рассказа, действий или же той формы, какую Дух Святой может породить в данной конкретной ситуации (*там же*, 128)» (Франциск. *Послание Митингу за дружбу между народами*. 24–30 августа 2014 г.).

Такова наша задача. Для этого мы были избраны, как напоминает нам отец Джуссани: «Было небытие, небытие всего, а точнее, было небытие тебя и меня: слово “избрание” обозначает границу, порог между небытием и бытием. Бытие начинает цвести на небытии как выбор, как избранность [мы вырвались из небытия, потому что нас избрали]: не существует иного возможного условия, не существует иной мыслимой предпосылки [о чем говорил вначале Давиде]. Этот выбор и это избрание есть в чистом виде свобода Тайны Бога в действии, абсолютная свобода Тайны, выражающей Себя». (*Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 63).

«Тайна Бога, выражающаяся как свобода выбора или избрания, отражается, может и должна отражаться, со страхом и трепетом, с совершенным смирением, в предпочтении между людьми, потому что человеческое предпочтение есть тень выбора Божией свободой» (*там же*. P. 63–64). Бог призывает нас, чтобы мы донесли Его другим. Он отдал нам такое предпочтение, чтобы через нас Его любовь достигла всех. Как говорит святой Павел: Бог избрал меня, чтобы во мне явить то, что Он хотел дать всем. Следовательно, в предпочтении, которое Бог отдает одному, слышится Его пламенная любовь к каждому человеку. Поэтому наше первое предпочтение должно быть обращено к тому, кто нас избрал. Вот почему мы так часто повторяем слово «благодарность». Признавать великое предпочтение, оказанное нам Христом, – значит с благодарностью признавать и это место, которое постоянно мне даруется. Но чтобы понять до конца задачу, заложенную в этом предпочтении, нужно прежде всего признать: в первую очередь мы должны отвечать Тому, Кто отдал нам такое предпочтение, осознавать нашу избранность. Только тогда я начинаю понимать, что «выбор Божией свободой, избирающей Единственного, укрытого, подобно крохотному незаметному цветку в чреве Богородицы, касается всего мира [и поэтому Церковь, по словам Папы, не существует, если не выходит в мир. Присутствие, которое мы несем, – для всего мира, а не только для среды, выбранной нами по принципу «подходит или не подходит»]. И значит, смиренный отзвук, исполненный страха и трепета, исполненный предпочтения, существует в человеке лишь из любви к миру, лишь ради той пользы, которую можно принести в этот мир, ради пламенной любви к миру. И восхитителен этот высший парадокс предпочтения, избрания кого-то для того, чтобы обнять весь мир, увлечь за собой весь мир. В предпочтении выбор и избрание совпадают с любовью, которая останавливает взгляд на любой живой реальности, на всяком живом человеке, на всякой плоти» (*там же*. P. 64).

Предпочтение Тайны позволяет нам смотреть на все, даже на самую драматичную ситуацию, «искупленным взглядом», о котором рассказывал на Митинге отец Пиццабалла (ср. *Le periferie dell'umano*).

Кто может сказать такое? Кто способен на подобное предпочтение? Кто любит столь сильно? Кто в состоянии любить столь сильно всякую плоть? Я в состоянии отдавать предпочтение кому-то, только если понимаю, что и мне самому отдали и продолжают отдавать предпочтение, если живу этим предпочтением, если оно наполняет меня до краев и становится заразительным, позволяя мне отдавать предпочтение всем, увлекать других. И поэтому мы можем рисковать, ведь, не рискуя, невозможно завоевать все это вновь сегодня, достичь цельности жизни, к которой мы все стремимся.